

Смена парадигмы государственно-конфессиональных отношений в Беларуси в XX в.

Татьяна В. Лисовская
*Белорусский государственный университет,
Минск, Республика Беларусь, Lisouskaya@bsu.by*

Аннотация. В статье представлен анализ трансформации моделей государственно-конфессиональных отношений в белорусских губерниях Российской империи (начало XX в. – 1917 г.), в БССР (1919–1991 гг.), в Республике Беларусь (1991–2002 гг.). Автором отмечено, что на протяжении XX в. произошел переход от модели религиозного государства в период Российской империи к модели секулярного государства в форме враждебной сепарации в БССР и кооперационной модели в Республике Беларусь. Процесс формирования государственно-конфессиональных отношений и их трансформации находился в сильной зависимости от общественно-политического и государственного положения белорусских земель. Это обусловило определяющее значение внешних факторов (политический кризис, революции 1905 г. и 1917 г., трансформация политических систем Российской империи и СССР, геополитическое положение Беларуси, советско-польская война 1919–1921 гг.) в смене парадигмы государственно-конфессиональных отношений в Беларуси в начале XX в. – 1991 г. При этом в 1991–2002 гг. на формирование модели государственно-конфессиональных отношений оказали преимущественное влияние внутренние факторы – доминирование традиционных религиозных акторов, высокая степень религиозности населения и активизация религиозной деятельности, что содействовало закреплению кооперационной модели, наиболее валидной для политико-конфессиональной сферы белорусского общества.

Ключевые слова: государственно-конфессиональные отношения, религиозная политика, Беларусь

Для цитирования: Лисовская Т.В. Смена парадигмы государственно-конфессиональных отношений в Беларуси в XX в. // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2024. № 1. С. 31–48. DOI: 10.28995/2073-6339-2024-1-31-48

A change in the paradigm of state-confessional relations in Belarus in 20th century

Tatsiana V. Lisouskaya

Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus,

Lisouskaya@bsu.by

Abstract. The article presents an analysis in the transformation of models for state-confessional relations in the Belarusian provinces of the Russian Empire (early 20th century – 1917), in the BSSR (1919–1991), in the Republic of Belarus (1991–2002). The author noted that during the twentieth century there was a transition from the model of the religious state of the period of the Russian Empire to the model of the secular state in the form of hostile separation in the BSSR and the cooperative model in the Republic of Belarus. The process of forming state-confessional relations and their transformation was highly dependent on the socio-political and state situation of the Belarusian lands. That conditioned the determining importance of external factors (political crisis, revolutions of 1905 and 1917, transformation of political systems of the Russian Empire and the USSR) for the paradigm shift of state-confessional relations in Belarus at the beginning of the twentieth century – 1991. At the same time, the formation of a model of state-confessional relations in the Republic of Belarus was predominantly influenced by internal factors – the dominance of traditional religious actors, a high degree of religiosity of the population and the intensification of religious activities, what contributed to the consolidation of the cooperative model, the most valid for the political-confessional sphere of Belarusian society.

Keywords: state-confessional relations, religious policy, Belarus

For citation: Lisouskaya, T.V. (2024), “A change in the paradigm of state-confessional relations in Belarus in 20th century”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International relationships” Series*, no. 1, pp. 31–48, DOI: 10.28995/2073-6339-2024-1-31-48

Введение

Взаимоотношения государства и религиозных организаций являются одним из сложных вопросов, который затрагивает вопросы традиций и исторического пути государства, проблему конфессиональной структуры общества. Религиозный плюрализм белорусского общества, традиционное этно-конфессиональное противопоставление «белорус/русский-православный» и «поляк-католик», политические трансформации в Беларуси на

протяжении XX в. актуализируют вопросы анализа и осмысления смены парадигм государственно-конфессиональных отношений на территории Беларуси.

Проблематика государственно-конфессиональных отношений в Беларуси в XX в. разработана в трудах белорусских исследователей преимущественно в контексте анализа общегосударственной политики. Общие вопросы положения конфессий и религий в белорусских губерниях Российской империи отражены в работах В.В. Яновской [Яноўская 2002], Новицкого [Канфесіі 1998], И.И. Янушевича [Янушевич 2005]; религиозная политика польского государства в 1921–1939 гг. в Западной Беларуси рассмотрена Т.В. Лисовской [Лисовская 2021], А. Загидулиным [Загідулін 2010]; советская религиозная политика стала предметом изучения О. Дьяченко [Дьяченко 2003], Н.В. Довгяло [Довгяло 2012]. Общие направления религиозной политики Российской империи и советского периода, применимые для изучения белорусской конфессиональной истории, рассмотрены в работах российских историков Т.К. Никольской [Никольская 2004], О.Ю. Редькиной [Редькина 2010], А.А. Сафонова [Сафонов 2011], М.И. Одинцова [Одинцов 2018]. Однако при достаточной разработке общих положений религиозной политики, есть ряд лакун в изучении государственно-конфессиональных отношений в Беларуси. В частности, недостаточно рассмотрены вопросы формирования и трансформации модели государственно-конфессиональных отношений в контексте конфессиональной структуры белорусского общества, основных факторов ее формирования и особенностей построения на территории Беларуси.

Следует отметить, что анализ государственно-конфессиональных отношений осложнен вариативностью научных подходов, разработанных в разных отраслях знаний – историками, социологами, религиоведами, юристами. На наш взгляд, при наличии многообразия моделей государственно-конфессиональных отношений, при изучении процесса трансформации взаимоотношений государства и религиозных институтов в конкретном историческом и политико-правовом поле целесообразно применять систематизированный подход, основанный на базовых индикаторах. Так, М. Одинцов [Одинцов 2018], С. Феррари [Феррари 1998], Е.М. Мирошникова [Мирошникова 1998], И. Понкин [Понкин 2003], S. Safian [Safian 2000], J. Krukowski [Krukowski 2000], S. Pietrzak [Pietrzak 1995], A. Rex [Rex 2005], S. Kettell [Kettell 2013], J. Fox [Fox 2005], L.N. Leustean [Leustean 2008], G. Robbers [Robbers 2005], Р. Балодис [Балодис 2000] в качестве индикаторов применяют: степень взаимосвязи государственных и церковных институтов и уровень

секулярности, наличие привилегированного статуса определенно-го вероисповедания, правовое положение вероисповеданий.

В связи с этим методологическую основу изучения и характеристики процесса трансформации парадигмы государственно-конфессиональных отношений в Беларуси в XX в. и идентификации моделей государственно-конфессиональных отношений в белорусских губерниях Российской империи (начало XX в. – 1917 г.), в БССР (1919–1991 гг.), в Республике Беларусь (1991–2002 гг.) составили применение интегративной типологии моделей государственно-конфессиональных отношений на основе базовых индикаторов и ее экстраполяция на систему общественно-политических и религиозных отношений.

На пути от религиозного государства к светскому (начало XX в. – 2002 г.)

При наличии разнородного конфессионального состава белорусского общества с доминированием православия и традиционным бинарным (православие – католицизм) оппонированием, вопрос модели государственно-конфессиональных отношений в условиях общественно-политических трансформаций в Беларуси в XX в. всегда стоял особо актуально. В конце XIX – начале XX в. в религиозном ландшафте белорусских губерний Российской империи были представлены преимущественно христианские конфессии с доминированием православной церкви. Согласно переписи 1897 г., в пяти белорусских губерниях насчитывалось 5114,7 тыс. православных и 145 000 староверов, 1947,6 тыс. католиков, 46 654 человека евангельско-аугсбургского и евангельско-реформированного костелов, 151 баптист. Нехристианские конфессии были представлены преимущественно национальными меньшинствами: иудаизм – 1202 тыс. человек, ислам – 5592 [Канфесіі 1998, с. 93–94].

Белорусские губернии с разнородным религиозным составом находились под действием российского права, закрепляющего модель религиозного государства. Основной концепт государственно-конфессиональных отношений Российской империи базировался на тесном взаимодействии государства с «первенствующей и господствующей» православной церковью, что обеспечивало ее особый правовой статус. В социокультурном и правовом пространстве православие было утверждено как единственно правильное учение, что, во-первых, определило идеологический монополизм православия и религиозного мировоззрения в государстве, а во-вторых, отразилось на правовом статусе неправославных

религий и их приверженцев. В частности, наличие административных процедур (церковный брак, ведение метрических книг религиозными учреждениями, метрика с указанием вероисповедного статуса), а также уголовное преследование за антирелигиозные действия¹ (порицание христианской веры и православия, насмехание над правилами и обрядами православной церкви, исповедание веры, противоречащее принципам православной церкви²) не предусматривали невероисповедный статус личности. В то же время, за православной церковью было закреплено исключительное право на деятельность в публичном пространстве, а инославные вероисповедания были исключены из общественной сферы. К примеру, римско-католическому костелу белорусских губерний были запрещены крестные ходы и процессии, открытое ношение Святых Даров, установка крестов на дорогах и в населенных пунктах без разрешения администрации [Канфесіі 1998, с. 85]. Прозелетизм и миссионерство неправославных исповеданий понималось как «сращивание» православных, а участие православных в обрядах и таинствах инославных вероисповеданий³ – как посягательство на господствующую православную церковь. Так, в 1909 г. настоятелю Мозырского костела были предъявлены обвинения за венчание православной Ю.А. Колать с католиком Ю. Леосевичем⁴.

Российская империя и Русская православная церковь постепенно стали единым церковно-политическим институтом: произошло встраивание церковных институтов в систему государственной власти – в качестве государственных были признаны основные православные праздники, духовенство привлекалось к официальному участию в важных государственных и общественных событиях (коронавание, открытие государственных учреждений). В свою очередь, церковь выполняла ряд общественно-государственных функций – общественное просвещение, регистрация актов гражданского состояния, православная церковь зачастую выступала как судебная и отчасти законодательная инстанция⁵.

¹Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года / Издано проф. Имп. Училища правоведения... Н.С. Таганцевым. 5-е изд., доп. СПб.: Тип. М. Стасюлевича, 1886. 714 с.

²Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). Ф. 1430. Оп. 1. Д. 45855. Л. 1–4.

³Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года...

⁴НИАБ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 36 705. Л. 4–5, 43.

⁵Конфессиональная политика Временного правительства России: Сборник документов / Сост., авт. предисл. и коммент. М.А. Бабкин. М.: Политическая энциклопедия, 2017. С. 10.

Следует отметить, что модель религиозного государства с опорой на православную церковь устанавливалась в белорусских губерниях с неоднородным конфессиональным составом, отличающимся от центральных российских губерний, и сложной политической ситуацией, вызванной восстанием 1863–1864 гг., поддержанным римско-католическим клиром. Эти факторы привели к созданию особых условий функционирования неправославных конфессий и религий в белорусских губерниях, прежде всего, римско-католического костела. Система религиозного государства Российской империи создавала благоприятные условия для закрепления доминирования православной церкви в белорусских губерниях и радикального снижения сферы влияния римско-католического костела. После восстания 1863–1864 гг. общероссийские законы в отношении католического духовенства были дополнены рядом распоряжений местных властей – введен запрет на назначение ксендзов без разрешения губернатора на высшие духовные должности (циркуляры от 13 января 1865 г., 17 июля 1865 г.), о запрете внештатным служителям богослужебной практики и исполнения обрядов, о запрете установления крестов на полях и дорогах и др. [Яноўская 2002, с. 40]. Как результат политики укрепления православия, к началу XX в. была изменена конфессиональная структура белорусских губерний: численность православного населения в 1897 г. увеличилась на 204,4%. При этом доля католиков при увеличении численности на 146% в общей численности населения уменьшилась до 58,8% в Виленской губернии, 24,1% – в Гродненской, 23,9% – в Витебской, 10,1% – в Минской, 2,9% – в Могилевской губерниях [Канфесіі 1998, с. 85].

Острая общественно-политическая и религиозная ситуация в Российской империи начала XX в. в белорусских губерниях осложнялась наличием большого числа «упорствующих в латинстве» (лиц, числящихся православными, но участвующих в католической обрядности) в Виленской, Гродненской и Минской губерниях⁶, что отражало несоответствие формальной религиозной принадлежности конфессиональной самоидентификации значительной части населения губерний и требовало изменения религиозной политики. Манифест Николая II «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка» от 26 февраля 1903 г., Именной Высочайший Указ Николая II «Об укреплении начал веротерпимости» от 17 апреля 1905 г. и Указ 1906 г.⁷ предоставили право выхода из пра-

⁶ НИАБ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 31 886. Л. 3, 8, 9, 26, 28, 32, 49, 90.

⁷ История религии и свободы совести в Беларуси в документах и материалах: пособие: В 4 ч. Ч. 3: Со второй половины XVIII в. до октября

вославленной церкви и переход в иное вероисповедание, легализовали деятельность меньшинств (старообрядцев и сект, отпавших от православия), расширили возможности публичной религиозной деятельности неправославных исповеданий. По данным епископа Минского и Туровского, после издания Указа 1905 г. до конца 1905 г. в епархии в католицизм перешел 12 901 человек⁸. Реформы 1903–1906 гг. хотя и снизили уровень идеологического монополизма и расширили права неправославных исповеданий [Лисовская 2022, с. 9], однако не затронули основных принципов религиозного государства: слияния церкви и государства, ранжирования вероисповеданий, ограничения свободы совести неправославных граждан, доминирования религиозного мировоззрения и его безальтернативность.

Попытку трансформации системы государственно-конфессиональных отношений предприняло уже Временное правительство, которое с марта 1917 г. выстраивало последовательную политику обеспечения равенства конфессий и расширения религиозных прав. Закон «О свободе совести» от 14 июля 1917 г. утвердил свободу совести как гражданскую свободу личности, ликвидировал дискриминацию по вероисповедному признаку, легализовал вневероисповедный статус и свободный выбор религии с 14 лет, религиозные организации получили свободу действия в публичной сфере⁹. Обеспечение свободы совести и вероисповедания, равенства конфессий, отделение школы от государства свидетельствуют о тенденции к построению светского (внеконфессионального) государства, что в данный момент было требованием политических партий (эсеров¹⁰ и РСДРП¹¹) и представителей религиозных меньшинств: старообрядцев, мусульман, евангельских христиан, баптистов [Никольская 2004]. Белорусские политические партии – Белорусская социалистическая громада¹², Конституционно-католическая пар-

1917 г. / Авт.-сост.: В.В. Старостенко, Э.В. Старостенко. Могилев: МГУ имени А.А. Кулешова, 2015.

⁸ НИАБ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 35 812. Л. 368.

⁹ Конфессиональная политика Временного правительства... С. 76, 85.

¹⁰ Программа партии социалистов-революционеров: [1906 г.]: Сборник программ политических партий в России / Под ред. В. Водовозова. Вып. 3. СПб., 1906. С. 14–27.

¹¹ Программа Российской социал-демократической рабочей партии. Белгород: Народная воля, 1917.

¹² Программа Белорусской Социалистической Громады // Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Серыя 3: Гісторыя. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Права. Мінск: Універсітэцкае, 1993. № 1. С. 65–68.

тия Литвы и Беларуси¹³ – выступали за отделение государства от церкви, в чем видели возможность преодоления монополизма православия и расширения прав католического костела и населения белорусских губерний. Однако Временное правительство пошло на сближение с православной церковью, которая с июля 1917 г. принимала участие в разработке проектов государственно-конфессиональных отношений. Так, законопроект «К вопросу о правовом положении церкви в государстве», подготовленный при сотрудничестве с Предсоборным советом православной церкви предполагал автономию и независимость религиозных организаций при «культурном сотрудничестве» с православной церковью вплоть до финансирования, участие церкви в ряде административных процессов. Как мы видим, в условиях политических трансформаций периода Временного правительства наметился переход от модели религиозного (конфессионального) к светскому государству идентификационной модели, при которой за православной церковью сохранялся приоритетный статус.

Переход власти к большевикам в октябре 1917 г. определил формирование новой парадигмы государственно-конфессиональной системы. В Программе РКП(б) 1919 г. были определены основы советской религиозной политики: «разрушение связей между эксплуататорскими классами и организацией религиозной пропаганды», вытеснение религии из общественной сферы для полного отмирания религиозных предрассудков [Довгяло 2012, с. 83].

Декрет Совета народных комиссаров РСФСР «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» 1918 г. и Декрет СНК Советской социалистической Республики Беларусь (ССРБ) «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» от 11 января 1922 г. задекларировали отделение церкви от государства, лишение церковных организаций статуса юридического лица, но при этом оставили право граждан на свободу совести и религии, обозначив отход от идентификационной модели светского государства. Постепенно началось вытеснение религии из сферы общественной жизни и ограничение индивидуальных религиозных прав: если еще в Конституции ССРБ 1919 г. и Конституции БССР 1927 г. допускалась возможность религиозной пропаганды как право исповедания религии, что еще допускало наличие частно-религиозных компонентов в общественной сфере, то в Конституции БССР 1937 г. была закреплена исключительно свобода антирели-

¹³ Сообщения губернаторов на запрос МВД о политических партиях, их организации, численности и идеологии // Российский государственный исторический архив. Ф. 1284. Оп. 187: 1906 г. Д. 157. Л. 65.

гиозной пропаганды. Новая конституционная норма ограничила права верующих выражать свое вероисповедание публично во всех формах – от пропаганды до использования религиозных символов, допуская исповедание веры исключительно в рамках культовых действий, что привело к «приватизации» религии, ограничению свободы совести граждан.

На протяжении 1920-х – начала 1930-х годов был принят ряд циркуляров ЦИК (Президиума ЦИК), постановлений СНК БССР о землепользовании религиозных культов, о регистрации религиозных обществ, о пользовании и страховании молитвенных зданий, о конфискации церковных ценностей инструкции НКВД и НКЮ¹⁴ и др., которые регламентировали ограничительные меры в отношении религиозных организаций, в том числе лишение права юридического лица и возможности распоряжаться имуществом и действовать в публичном пространстве. Постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях» от 8 апреля 1929 г. окончательно закрепило ограничение деятельности религиозных организаций и легализовало супремацию государства – запрещалась любая религиозная агитация и деятельность вне культовых зданий (кроме посещения больных и умирающих по специальному разрешению), организация детских женских, молодежных, молитвенных собраний, обучение религии, был введен разрешительный принцип регистрации общин, право интервенции государственных органов во внутренние дела организаций (контроль за составом управляющих органов, исключение членов общин из управления, отклонение кандидатуры священнослужителей при назначении).

Влияние на религиозную политику БССР оказывала также и религиозная специфика Беларуси – высокая доля католического населения и наличие активно развивающихся позднепротестантских движений в Беларуси на фоне обострения внешнеполитической обстановки в период и после советско-польской войны 1919–1921 гг. Радикализация религиозной политики советских властей была вызвана наличием административных властей римско-католического костела за границей и традиционной этноконфессиональной идентификацией «католик-поляк», что после перехода Западной Беларуси к Польше в 1921 г. сформировало негативное отношение к католическому костелу и населению как к агентам польских буржуазных властей. Так, в 1933 г. большая группа католических священнослужителей была обвинена в создании контрреволюционной повстанческой организации – POW (*Polska Organizacja Wojskowa*). С целью окончательного решения вопроса польской шпионской сети

¹⁴ НАРБ. Ф. 952. Оп. 3. Д. 11. Л. 24–74.

в костелах БССР 8 августа 1937 г. Бюро ЦК КП(б)Б рассмотрело вопрос «О мерах по закрытию польских костелов»¹⁵. 7 ноября 1937 г. Бюро ЦК КП(б)Б рассмотрело вопрос «О польских костелах» и, подводя итоги, было принято решение закрыть польские костелы в БССР. Кроме того, активный рост (с 45 общин в 1925 г.¹⁶ до 89 общин в начале 30-х годов¹⁷) и поддержка крестьянством евангельско-баптистского движения в БССР, их широкие связи с иностранными организациями и центрами (с Всемирным союзом баптистов, АРА, с польскими организациями в Западной Беларуси и др.) с середины 20-х годов перевели организации в разряд «проводников буржуазной идеологии». С начала 30-х годов органы НКВД БССР проводили работу по закрытию костелов и религиозных общин по причине их контрреволюционной деятельности. С середины 1937 г. по июнь 1938 г. были раскрыты и арестованы 2570 участников «объединенного антисоветского подполья», среди которых были 1015 священнослужителей и 57 клерикалов¹⁸. К 1937 г. были закрыты все евангельско-баптистские общины и римско-католические костелы.

Как мы видим, созданная система государственно-конфессиональных отношений на протяжении первых двадцати лет советской власти в БССР характеризовалась супрематией государства над религиозными акторами, лишением церкви правоспособности, локализацией религии в сфере частной жизни, ограничением прав и свобод верующих, делегализацией религиозных организаций. При этом секуляризм в советском государстве понимался не как разделение государственных и религиозных институтов, а как противодействие религии, борьба с религией не только в институциональной форме, но и с индивидуальными, частными убеждениями. При этом произошла фаворизация атеизма как мировоззренческой основы, общественные отношения выстраивались таким образом, при котором свобода совести реализуется в полном объеме только в рамках атеистических убеждений. Еще в 1922 г. утверждалось, что антирелигиозная пропаганда должна ставить на место отживающих остатков религиозных представлений ясные научные взгляды¹⁹. Атеизм постепенно превратился в «квазирелигию» с ее атрибутами – идеологией и культовой практикой. Так, в 60-е годы в БССР проводилась целенаправленная политика за-

¹⁵ НАРБ. Ф. 4. Оп. 3. Д. 440. Л. 29.

¹⁶ Там же. Оп. 10. Д. 45. Л. 5.

¹⁷ Там же. Оп. 21. Д. 1900. Л. 15.

¹⁸ Там же. Д. 1410. Л. 23.

¹⁹ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 60. Д. 158. Л. 6.

мены религиозных культовых практик гражданской обрядностью: крещений – октябринами, венчаний – комсомольскими свадьбами, отпеваний – гражданскими похоронами²⁰.

В период послевоенной либерализации религиозной политики 1943–1961 гг. была легализована деятельность религиозных организаций, они приобрели ограниченные права юридических лиц²¹, активизировалась религиозная жизнь, выросло число общин. Однако созданная система жесткого контроля за религиозными акторами силами Совета по делам религиозных культов и Совета по делам православной церкви, ограничение культовой деятельности, контроль за частной религиозной жизнью, включая установление возраста крещения до 18, а затем до 25 лет, целенаправленное формирование атеистического мировоззрения и гражданской обрядности, подменяющей религиозную, свидетельствуют о сохранении стратегия полного искоренения религии или превращение церкви в послушный «карманный» инструмент.

На послевоенную религиозную ситуацию в БССР оказало влияние воссоединение Западной Беларуси с БССР в 1939 г., в результате чего в БССР вошли территории с широко развитой сетью религиозных организаций. На 1948 г. в БССР были зарегистрированы 1050 православных церквей и молитвенных домов (70,3% – в западных областях БССР). Римско-католический костел продолжал рассматриваться как враждебная советской власти организация и до 1946 г. восстановленные в восточных областях БССР 84 костела были ликвидированы²², в западных областях из 416 храмов в 1939 г. осталось 387 в 1946 г.²³, в 1948 г. по всей БССР были зарегистрированы уже только 234 католические общины. Начиная с конца 50-х – в начале 60-х годов начинается очередное наступление на религию. Если на 1 января 1948 г. в БССР были зарегистрированы 1050 церквей и молитвенных домов²⁴, то в 1962 г. в БССР насчитывалось 313 общин культов (включая римско-католический костел)²⁵ и 525 православных церквей²⁶. Постановление СМ БССР № 233 от 19.04.1961 г. «Об усилении контроля за выполнением законодательства о культах»²⁷ и активизация репрессив-

²⁰ НАРБ. Ф. 952. Оп. 4. Д. 43. Л. 34–36.

²¹ Там же. Оп. 2. Д. 8. Л. 37.

²² Там же. Ф. 4. Оп. 62. Д. 70. Л. 2–3.

²³ Там же. Д. 392. Л. 363.

²⁴ Там же. Д. 217. Л. 137.

²⁵ Там же. Ф. 952. Оп. 4. Д. 37. Л. 231.

²⁶ Там же. Д. 93. Л. 49.

²⁷ Там же. Оп. 3. Д. 25. Л. 26.

ных мер окончательно утвердили модель радикальной сепарации (враждебной «французской» сепарации) в советском государстве.

Общественно-политические и экономические преобразования, либерализация общества во второй половине 80-х годов вызвали переосмысление многих стереотипов, включая религиозные, что постепенно привело к изменению положения религии в обществе и обусловили переход к новой парадигме государственно-конфессиональных отношений. Принципиально новая модель сформирована в 1991–2002 гг. в рамках независимой Республики Беларусь. Принятый в 1992 г. Закон «О свободе вероисповедания и религиозных организациях»²⁸ провозгласил светский характер государства и образования, свободу совести и вероисповедания как частным образом, так и публично, запрет дискриминации по вероисповедному признаку, право родителей воспитания детей согласно своим религиозным взглядам. Данные принципы стали основой религиозных норм Конституции Республики Беларусь 1994 г. Закон 1991 г. определил и новые способы отношений государства и религиозных объединений. Религиозные организации признаны неотъемлемыми субъектами гражданского общества, провозглашена их самостоятельность, независимость и невмешательство государства во внутренние дела церквей, закреплено право осуществления религиозной деятельности религиозных общин без регистрации, которая необходима только для приобретения статуса юридического лица.

Закрепление и реализация новой парадигмы государственно-конфессиональных отношений привела к активизации религиозной сферы в Республике Беларусь. Если на 1988 г. зарегистрировано 708 религиозных общин 8 конфессий, то в 1996 г. – 2009 общин 23 религиозных направлений. Доминировала в религиозной структуре православная церковь, с которой в 2006 г. ассоциировало себя 72,6% граждан. В целом к христианским конфессиям отнесли себя более 82%, в том числе к католическому костелу – 9,2% граждан, к исламу – 0,5%²⁹. Наличие исторически сформированного религиозного ландшафта, в котором доминирует православная церковь и традиционные для белорусских территорий конфессии привела к

²⁸ Закон № 2054-ХІІ от 17 декабря 1992 г. «О свободе вероисповедания и религиозных организациях». URL: <https://pravo.by/document/?guid=3961&p0=V19202054> (дата обращения 20 июля 2022).

²⁹ Отчет о научно-исследовательской работе «Провести исследование территориальных особенностей конфессиональной структуры Беларуси и разработать электронный вариант географического атласа “Конфессии и культовые сооружения Беларуси”» (заключительный). № 397/61. Мн., 2007. С. 32–33.

закреплению в Законе «О свободе совести и религиозных организациях» от 31 октября 2002 г. принципа формирования религиозной политики исходя из «определяющей роли Православной церкви в историческом становлении и развитии духовных, культурных и государственных традиций белорусского народа, духовной, культурной и исторической роли Католической церкви на территории Беларуси, неотделимости от общей истории народа Беларуси Евангелическо-лютеранской церкви, иудаизма и ислама». На основании данного подхода, в 2003 г. было заключено Соглашение о сотрудничестве между Белорусской Православной Церковью и Республикой Беларусь и в дальнейшем с иными государственными органами с целью решения задач по духовно-нравственному совершенствованию общества. Таким образом, в 1991–2002 гг. произошло закрепление принципиально новой модели государственно-конфессиональных отношений в Республике Беларусь – кооперационной модели или модели скоординированной сепарации.

Заключение

Как мы видим, в XX в. в Беларуси происходит смена парадигмы государственно-конфессиональных отношений, в ходе которой произошел переход от модели религиозного государства в период Российской империи к модели секулярного государства в форме враждебной сепарации в БССР и кооперационной модели в Республике Беларусь.

Следует отметить, что процесс формирования государственно-конфессиональных отношений и их трансформации находился в сильной зависимости от общественно-политического и государственного положения белорусских земель. Нахождение в составе Российской империи и БССР в составе СССР определили унификацию правовой системы в рамках политического строя данных государств, несмотря на иную религиозную структуру и диверсификацию религиозных акторов. Так, учитывая абсолютистский характер государственного строя и задачу политической и идеологической интеграции земель Северо-Западного края в единое российское государство, в белорусских губерниях устанавливался общероссийский политико-правовой режим. В то же время процессы государственного строительства в БССР находились в сильной зависимости от политики РКП(б) и КПСС. Перед советским правительством стояла задача построения новой общественно-политической системы на принципах идеологии коммунизма, предполагающей сильную степень сепарации и идеологический монополизм, что и определило

модель государственно-церковных отношений в БССР. В связи с этим, основными факторами трансформации моделей государственно-конфессиональных отношений стали внешние факторы – политический кризис, революции 1905 и 1917 гг., трансформация политических систем на основе новых идеологических принципов и политических задач, геополитические изменения положения Беларуси, которые привели к изменению концептуальных подходов к положению религиозных акторов в государстве.

Особенности конфессиональной структуры Беларуси: высокий уровень религиозного сознания граждан, влияние религиозных организаций в обществе и в государстве, наличие конфессионального дуализма «православие – католицизм», диверсификация религиозной структуры общества на протяжении XX в. не только не принимались во внимание политическими кругами в процессе формирования государственно-конфессиональной системы, но и стали усугубляющим фактором, приведшим к установлению радикальной формы модели государственно-конфессиональных отношений и ее жесткой реализации на белорусских землях как в период Российской империи, так и в БССР. Кроме того, доминирование в религиозной структуре белорусского общества православия, в сильной степени аффилированного с государством до 1917 г., наличие римско-католического костела, оппонирующего православию в религиозной сфере и государственной власти в политической – сдерживало развитие либерализации религиозной политики и во многом определяло общественно-политический дискурс с точки зрения православной церкви и ее интересов. Построение модели враждебной сепарации советским правительством также не основывалось на существующей религиозной системе общества и не принимало во внимание уровень религиозного сознания и религиозные традиции белорусского общества. Так, в 1964 г. религиозная обрядность в Брестской области сохранилась на уровне 59,4%, в отдельных районах Западной Беларуси – на уровне 80–70%³⁰. Таким образом, трансформации религиозной модели государственно-конфессиональных отношений в Беларуси в начале XX в. – до 1991 г. проходили как сопутствующие изменения политической системы и были вызваны необходимостью сохранения стабильности политической системы во время революционных процессов 1905 и 1917 гг. и реализацией политических целей советского правительства.

В то же время формирование модели государственно-конфессиональных отношений в Республике Беларусь проходило в условиях демократизации политических институтов, резкой активизации

³⁰ НАРБ. Ф. 952. Оп. 4. Д. 46. Л. 210–212.

религиозной жизни общества, отсутствия государственного давления над религиозной сферой. В связи с этим, на характер государственно-конфессиональных отношений в современной Республике Беларусь оказали преимущественное влияние внутренние факторы, прежде всего социокультурные факторы национальной и религиозной структуры общества с доминированием традиционных для Беларуси религиозных акторов – православной церкви, римско-католического костела, евангельско-лютеранского костела, иудаизма и ислама, а также высокая степень религиозности населения (в 2006 г. религиозными себя считали 59% граждан, квазирелигиозными – 5%, колеблющимися – 24%, неверующими – 12%)³¹. Ориентация на религиозные традиции и внутренние потребности белорусского общества при построении демократической Беларуси позволили сформировать кооперационную модель (модель скоординированной сепарации) государственно-конфессиональных отношений, наиболее валидную для политико-конфессиональной сферы белорусского общества.

Литература

- Балодис 2000 – *Балодис Р.* Религиозные организации и латвийское государство // Религия и право. 2000. № 6. С. 14–15.
- Довгяло 2012 – *Довгяло Н.В.* Законодательные основы политики БССР в области религии в 1924–1939 гг. // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А: Гуманитарные науки. 2012. № 1. С. 77–81.
- Дьяченко 2003 – *Дьяченко О.* Пятидесятничество в Беларуси. Могилев, 2003. 188 с.
- Загідулін 2010 – *Загідулін А.М.* Беларускае пытанне ў польскай нацыянальнай і канфесійнай палітыцы ў Заходняй Беларусі (1921–1939 гг.). Гродна: ГрДУ, 2010. 183 с.
- Канфесіі 1998 – *Канфесіі на Беларусі / Рэд. У.І. Навіцкі.* Мінск: Экаперспектыва, 1998. 340 с.
- Лисовская 2021 – *Лисовская Т.В.* Поздний протестантизм в Западной Беларуси (1921–1939 гг.). Брест: Альтернатива, 2021. 190 с.
- Лисовская 2022 – *Лисовская Т.В.* Зарождение позднепротестантского движения в Беларуси в конце XIX – начале XX в. // Вестник Омского государственного университета. Серия «Исторические науки». 2022. № 1. С. 7–19.
- Мирошникова 1998 – *Мирошникова Е.М.* Государственно-церковные отношения в Германии // Религия и право. 1998. № 1–2 (4–5). С. 45–47.

³¹ Отчет о научно-исследовательской работе «Провести исследование территориальных особенностей конфессиональной структуры Беларуси...». С. 32–33.

- Никольская 2004 – *Никольская Т.К.* Русский протестантизм на этапе утверждения легализации (1905–1917 гг.) // Богословские рассуждения. 2004. № 4. С. 163–181.
- Одинцов 2018 – *Одинцов М.И.* От государства конфессионального к государству светскому: российский путь: 1917–2017 // Свобода совести в России: исторический и современный аспекты: Сб. статей. Вып. 14. Владивосток, 2018. С. 12–32.
- Понкин 2003 – *Понкин И.В.* Правовые основы светскости государства и образования. М.: Про-Пресс, 2003. 416 с.
- Редькина 2010 – *Редькина О.Ю.* Основные принципы взаимоотношений государства и религиозных организаций в России: к истории вопроса // Общественные отношения в условиях становления гражданского общества в России: Сб. статей. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2010. С. 22–33.
- Сафонов 2011 – *Сафонов А.А.* Государство и церковь в имперской России: правовые аспекты взаимоотношений // Государство, церковь, право: конституционно-правовые и богословские проблемы: IX Румянцевские чтения. М.: Изд-во Российского государственного торгово-экономического университета (РГТЭУ), 2011. С. 28–40.
- Феррари 1998 – *Феррари С.* Церковь и государство в Западной Европе: итальянская модель // Мировой опыт государственно-церковных отношений. М., 1998. С. 110–130.
- Яноўская 2002 – *Яноўская В.В.* Хрысціянская царква ў Беларусі 1863–1914 гг. Мінск, 2002. 163 с.
- Янушевич 2005 – *Янушевич И.И.* Конфессиональная политика советского государства: уроки истории, 1917–1928 гг. Мн.: БГУ, 2005. 141 с.
- Fox 2005 – *Fox J.* Separation of religion and state in the 21st century. Comparing the Middle East and Western democracies // Comparative Politics. 2005. Vol. 37. No. 3. P. 317–335.
- Kettell 2013 – *Kettell S.* State religion and freedom. A comparative analysis // Politics and Religion. 2013. No. 6. P. 538–569.
- Krukowski 2000 – *Krukowski J.* Religia i wolność religijna w prawie Unii Europejskiej. Doświadczenia i perspektywy // Materiały III Międzynarodowej konferencji “Religia i wolność religijna w Unii Europejskiej”. Warszawa, 2000. P. 217–231.
- Leustean 2008 – *Leustean L.N.* Challenges to church-state relations in contemporary Europe: introduction // Journal of Religion in Europe. 2008. No. 1. P. 247–250.
- Pietrzak 1995 – *Pietrzak M.* Prawo wyznaniowe. Warszawa: Wydawnictwo naukowe PWN, 1995. 298 s.
- Rex 2005 – *Rex A.* Models of religion-state relations // Religious freedom in the liberal state. Oxford: Oxford University Press, 2005. 528 p.
- Robbers 2005 – *Robbers G.* State and Church in the European Union // State and Church in the European Union / Ed. by G. Robbers. Baden-Baden: Nomos, 2005. P. 577–589.
- Safian 2000 – *Safian M.* Wolność religijna w konstytucjach państw europejskich // Materiały III Międzynarodowej konferencji “Religia i wolność religijna w Unii Europejskiej”. Warszawa, 2000. S. 43–75.

References

- Balodis, R. (2000), "Religious organizations and the Latvian state", *Religiya i pravo*, no. 6, pp. 14–15.
- Dovgalyo, N.V. (2012), "Legislative basis of the BSSR policy in the field of religion in 1924–1939", *Vestnik Polotskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya A: Gumanitarnye nauki*, no. 1, pp. 77–81.
- D'yachenko, O. (2003), *Pyatidesyatnichestvo v Belarusi* [Pentecostalism in Belarus], Mogilev, Republic of Belarus.
- Ferrari, S. (1998), "Church and state in Western Europe. The Italian model", *Mirovoi opyt gosudarstvenno-tserkovnykh otnoshenii* [World experience of state-church relations], Moscow, Russia, pp. 110–130.
- Fox, J. (2005), "Separation of religion and state in the 21st century. Comparing the Middle East and Western democracies", *Comparative Politics*, vol. 37, no. 3, pp. 317–335.
- Janoŭskaja, V.V. (2002), *Khrystsiyanskaya tsarkva ŭ Belarusi 1863–1914 gg.* [Christian Church in Belarus 1863–1914], Minsk, Republic of Belarus.
- Janushevich, I.I. (2005), *Konfessional'naya politika sovetskogo gosudarstva: uroki istorii, 1917–1928 gg.* [Confessional policy of the Soviet state. Lessons from history, 1917–1928], Belorusskii gosudarstvennyi universitet, Minsk, Republic of Belarus.
- Kettell, S. (2013), State religion and freedom. A comparative analysis, *Politics and Religion*, no. 6, pp. 538–569.
- Krukowski, J. (2000), "Religia i wolność religijna w prawie Unii Europejskiej Doświadczenia i perspektywy", in *Materiały III Międzynarodowej konferencji "Religia i wolność religijna w Unii Europejskiej"*, Warsaw, Poland, pp. 217–231.
- Leustean, L.N. (2008), "Challenges to church-state relations in contemporary Europe. Introduction", *Journal of Religion in Europe*, no. 1, pp. 247–250.
- Lisovskaya, T.V. (2021), *Pozdnii protestantizm v Zapadnoi Belarusi (1921–1939 gg.)* [Late Protestantism in Western Belarus (1921–1939)], Al'ternativa, Brest, Republic of Belarus.
- Lisovskaya, T.V. (2022), "The origin of the late Protestant movement in Belarus in the late 19th – early 20th centuries", *Herald of Omsk University. "Historical Studies" Series*, no. 1, pp. 7–19.
- Navitski, U.I., ed. (1998), *"Kanfesii na Belarusi"* [Confessions in Belarus], Ekaperspektyva, Minsk, Republic of Belarus.
- Nikolskaya, T. (2004), "Russian Protestantism at a stage of approval of the legalization strengthening (1905–1917)", *Bogoslovskie rassuzhdeniya*, no. 4, pp. 163–181.
- Miroshnikova, E.M. (1998), "State-church relations in Germany", *Religiya i pravo*, vol. 4–5, no. 1–2, pp. 45–47.
- Odintsov, M.I. (2018), "From a confessional state to a secular state. The Russian path. 1917–2017", *Svoboda sovesti v Rossii: istoricheskii i sovremennyyi aspekty: Sbornik statei* [Freedom of conscience in Russia. Historical and modern aspects. Collected articles], iss. 14, Vladivostok, Russia, pp. 12–32.

- Pietrzak, M. (1995), *Prawo wyznaniowe*. Wydawnictwo naukowe PWN, Warszawa, Poland.
- Ponkin, I.V. (2003), *Pravovye osnovy svetskosti gosudarstva i obrazovaniya* [Legal foundations of secularism of the state and education], Pro-Press, Moscow, Russia.
- Red'kina, O.Yu. (2010), "Basic principles of relations between the state and religious organizations in Russia. On the history of the issue", in *Obshchestvennye otnosheniya v usloviyakh stanovleniya grazhdanskogo obshchestva v Rossii: sbornik statei* [Public relations in the conditions of the formation of civil society in Russia. Collected articles], Izdatel'stvo Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta, Volgograd, Russia, pp. 22–33.
- Rex, A. (2005), "Models of religion-state relations", in *Religious Freedom in the Liberal State*, Oxford University Press, Oxford, UK.
- Robbers, G. (2005), "State and Church in the European Union", in Robbers, G., ed., *State and Church in the European Union*, Nomos, Baden-Baden, Germany, pp. 577–589.
- Safian, M. (2000), "Wolność religijna w konstytucjach państw europejskich", in *Materiały III Międzynarodowej konferencji "Religia i wolność religijna w Unii Europejskiej"*, Warsaw, Poland, pp. 43–75.
- Safonov, A.A. (2011), "State and church in imperial Russia. Legal aspects of the relationship, *Gosudarstvo, tserkov', pravo: konstitutsionno-pravovye i bogoslovskie problemy: IX Rumyantsevskie chteniya* [State, church, law. Constitutional, legal and theological issues. 9th Rumyantsev Conference]. Izdatel'stvo Rossiiskogo gosudarstvennogo torгово-ekonomicheskogo universiteta, Moscow, Russia, pp. 28–40.
- Zagidulin, A.M. (2010), *Belaruskae pytanne ŭ pol'skai natsyyanal'nai i kanfesiinai palitytsy ŭ Zakhodnyai Belarusi (1921–1939 gg.)* [Belarusian question in the Polish national and religious field of Western Belarus (1921–1939)], Grodnenskiy Derzhavnyi universitet, Grodno, Republic of Belarus.

Информация об авторе

Татьяна В. Лисовская, кандидат исторических наук, доцент, Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь; 220030, Республика Беларусь, Минск, пр. Независимости, д. 4; Lisouskaya@bsu.by

ORCID ID 0000-0002-5562-8466

Information about the author

Tatsiana V. Lisouskaya, Cand. of Sci. (History), associate professor, Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus; 4, Nezavisimosty Av., Minsk, Republic of Belarus, 220030; Lisouskaya@bsu.by

ORCID ID 0000-0002-5562-8466